

УДК 316.62

ВТОРИЧНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2018 г. Т. В. Дробышева*, А. Л. Журавлев**

ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

*Кандидат наук, старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической
психологии. E-mail: tdrobysheva@mail.ru

** Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.
E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 26.09.2017

Аннотация. Изложены результаты теоретического исследования феномена “вторичная экономическая социализация”. Его целью было выявление специфики, основных проблем и направлений в области вторичной экономической социализации личности и группы. Обоснованы критерии дифференциации двух форм экономической социализации: первичной и вторичной. Дано рабочее определение вторичной экономической социализации через ее описание. Высказывается мнение, что ее основой является содержание первичной экономической социализации. В качестве критериев их дифференциации принимается ведущая роль значимых Других и устойчивость конструируемой картины экономических отношений в процессе первичной экономической социализации по сравнению со вторичной.

Определены проблемы исследования вторичной экономической социализации личности и группы. Среди них такие, как: размытость границ феномена вторичной экономической социализации; его междисциплинарный характер; парадигмальные отличия в организации исследования, ограничивающие возможности сопоставления полученных данных; высокий уровень субъективности воспринимаемого экономического знания и опыта как нового, его включение в уже сформированную картину экономического мира человека.

Выделены основные направления исследований в зависимости от макроэкономических и макросоциальных изменений в обществе, а также изменений условий жизнедеятельности личности или представителей социальных групп.

Ключевые слова: вторичная экономическая социализация, субъект, экономическая психология, системный подход, экономическое сознание, экономическое поведение, детерминация вторичной экономической социализации.

DOI: 10.31857/S020595920000071-4

В отечественной науке феномены экономической социализации (ЭС) являются предметами исследований не только разных отраслей психологии (экономической, социальной, педагогической, психологии личности, психологии труда, психологии развития), но и других, в том числе смежных с психологией, областей научного знания (культурология, социология, нейроэкономики, поведенческой и социальной экономики, социальной философии и др.) С одной стороны, такое расширение исследовательских границ связано с динамичностью самого явления экономической социализации, быстро реагирующего на изменяющиеся усло-

вия социально-экономического развития общества, которые порождают все новые экономико-психологические, социально-экономические, социально-психологические и другие феномены. В качестве примера можно привести ряд явлений, к разработке которых отечественные психологи обратились лишь в последние полтора десятилетия и которые содержательно расширили границы области исследований экономической социализации в целом. Речь идет о: субъективном экономическом статусе (Н.А. Журавлева, В.А. Хашенко); экономической идентичности и субъективном экономическом благополучии личности (В.А. Хашенко); эко-

¹ Работа подготовлена при поддержке РНФ, Грант № 18-18-00439 “Психология человека в условиях глобальных рисков”.

номическом личности и группы (А.Л. Журавлев, А.Б. Куприченко, Л.Ю. Меренкова, Л.В. Шибаева и др.); демонстративном потреблении личности и представителей разных социальных групп (Н.В. Ким (Шайдакова), О.С. Посыпанова, Н.К. Радина и др.); психологических факторах долгового поведения россиян, реагирующих на финансовый кризис (М.А. Гагарина, О.Е. Павлова, Е.В. Тугарева и др.); социальных представлениях об экономических явлениях, носителями которых являются большие социальные группы (Т.В. Дробышева, Н.А. Журавлева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик и др.), социально-экономической (А.Л. Журавлев) и экономико-психологической (Т.В. Дробышева) зрелости личности и др. С другой стороны, накопление феноменов, отражающих взаимодействие субъекта (личности/группы) и социальной, в т.ч. экономической, среды способствовало выделению специфики протекания процессов *разных форм* экономической социализации – первичной и вторичной [5]. В настоящее время накопленный фактологический материал в области вторичной экономической социализации требует анализа и обобщения не только для понимания специфики этого процесса, но и в связи с определением границ и векторов развития данной области исследований. Все выше изложенное определило *актуальность* проведенной работы. Ее *целью* стало выявление специфики, спектра проблем и основных направлений исследования в области вторичной экономической социализации личности и группы.

ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Впервые подробное описание двух типов социализации было изложено Т. Бергером и П. Лукманом в их работе “Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания” [20]. Обосновывая подход к дифференциации первичной и вторичной ЭС, как разных форм одного и того же процесса, мы в данной публикации во многом опирались на характеристики протекания рассматриваемых феноменов, предложенных Бергером и Лукманом.

Так, по мнению этих исследователей, благодаря первичной социализации человек становится членом общества, *вторичная же социализация* позволяет уже социализированному индивиду входить в *новые сектора объективного мира*. В качестве основных критериев дифференциации этих двух форм они отмечали следующие: приоритет первичной социализации; ведущую роль значимых Других, выступающих в качестве посредников между ребенком и объективным социальным миром, в который он вступает и который конструируется значимыми Другими; неустойчивость реальности, ин-

тернализируемой² индивидом в процессе вторичной социализации, по сравнению с устойчивостью “базисного мира”, присвоенного в детстве. Граница между первичной и вторичной социализацией, по их мнению, определена тем, сформирован или нет в сознании индивида *обобщенный образ Другого* и всего, что его сопровождает.

То есть, несмотря на то, что первичная социализация, в первую очередь, описывается Бергером и Лукманом как период детства, они жестко не проводят границу по возрастному критерию, делая акцент на его *качественном содержании*. Мы считаем данное замечание существенным для дальнейшего понимания, хотя и относительно условных, но границ между первичной и вторичной ЭС.

Таким образом, в разрабатываемом нами подходе в качестве *критериев дифференциации форм первичной и вторичной ЭС* принимаются: ведущая роль значимых Других (у Бергера и Лукмана – “значимые другие”) и устойчивость конструируемой картины мира экономических отношений в процессе первичной ЭС по сравнению с вторичной ЭС. По нашему мнению, в концепции Берgera и Лукмана роль посредников первичной социализации (значимых Других) явно завышена. С нашей точки зрения, сохраняя их высокую значимость, следует говорить об их приоритете как посредников, но *не об абсолютном доминировании*, принимая при этом возможность проявления самим субъектом первичной ЭС активности, самостоятельности в процессе интернализации³ им экономических знаний, опыта, норм, ценностей, моделей поведения

Вторичная социализация в концепции вышеупомянутых авторов представляет собой интернализацию институциональных и институционально обоснованных “подмиров”, которые представляют собой “частичные реальности, характеризующиеся нормативными, эмоциональными и когнитивными компонентами” [1, с.225]. Можно сказать, что то, что принято и присвоено в процессе первичной социализации, выступает *основой* процесса вторичной социализации и придает ему специфичный характер и направленность. Также заметим,

²Используя термин “интернализация”, Бергер и Лукман подчеркивают субъективную значимость того, что интернализуется индивидом и становится впоследствии основой его самоидентификации, поведения и т.п. Именно эта значимость присваиваемой социальной реальности, конструируемой значимыми Другими, по нашему мнению, является ключевым дифференцирующим признаком процессов интернализации в концепции Бергера и Лукмана, по сравнению с интериоризацией. В последнем случае разными исследователями акцент делается на усвоении знаний, опыта, элементов культуры в процессе социального развития личности.

³Используя термин интернализация, заметим, что в его понимании мы в большей степени разделяем взгляды А.В. Серого, который считает, что интернализация – это не только *сознательное и активное восприятие социальных явлений и объектов*, но и *активное воспроизведение* в своей деятельности принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей (см.: Серый А.В. “Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов”. Кемерово: Кузбассвязиздат, 2002.). С нашей точки зрения, интернализация предполагает не только и не столько восприятие, сколько *присвоение* воспринимаемой социальной реальности.

что, несмотря на парадигмальные различия в подходах к исследованию процессов социализации, данная мысль согласуется и со взглядами Б.Ф. Ломова, по мнению которого, качества, свойства личности, сформированные на одном этапе социализации, становятся детерминантами на следующем ее этапе [12 и др.]. Сходных взглядов на взаимосвязь процессов первичной и вторичной социализации придерживаются и современные специалисты, занимающиеся проблемами политической, этнической и других видов социализации. К примеру, исследователи в области политической социализации, разделяя взгляды на дифференциацию первичной и вторичной социализации, отмечают специфику каждого процесса, не позволяющую делать перенос выявленных закономерностей о факторах, механизмах, содержании первичной политической социализации на функционирование вторичной политической социализации (Е.Б. Шестопал, Л.Я. Гозман, Ю.А. Левада и др.).

Выделяя специфику вторичной ЭС, мы придерживаемся аналогичных взглядов, а именно: присвоенное на этапе первичной ЭС, является основой для вторичной. Продолжая данную мысль, заметим, что и многообразие вариантов вторичной экономической социализации в большинстве своем обусловлено различием вариантов первичной ЭС.

Характерными признаками *вторичной социализации* в концепции Бергера и Лукмана можно считать: снижение роли биологических факторов в процессе ее детерминации и возрастание роли самодетерминации; ее зависимость от статуса системы знания; социально-историческое многообразие представлений, содержательно ее наполняющих; более высокий эмоциональный контроль; невысокая степень идентификации со значимым Другим. То есть, если новая реальность требует трансформации того, что интернализировано в процессе первичной социализации индивида, его вторичная социализация по характеру протекания (эмоциональность, высокая степень идентичности со значимыми Другими, зависимость от них и т.п.) будет схожа с первичной.

Действительно, обращаясь к периоду 1990-х гг. прошлого века, характеризуемого как период “экономической трансформации” российского общества, сложно не вспомнить примеры, когда “новое знание” в области экономики, соответствующие нормы поведения принимались и усваивались взрослым населением практически также как детьми и подростками. Однако было и различие, заключающееся в том, что для детей, подростков и юношества в качестве значимых Других выступали их родители, более информированные сверстники, преподаватели основ экономических знаний, СМИ и т.п. В то время как взрослые “учились” всему, непосредственно включаясь в

процессы “ваучеризации”, “приватизации” и т.п., а иногда “садились за парты”, получая экономическое или какое-то другое дополнительное образование, которое увеличивало их шанс на экономическую социализацию в новой реальности. Тем не менее высокий уровень эмоциональности, зависимости от значимых Других (по сути, носителей этой новой реальности), делало сходным характер этих двух процессов.

Как упоминалось ранее, основатели социального конструкционизма в своем трактате не отмечали возрастные признаки субъектов первичной и вторичной социализации. Однако приведенные ими примеры, раскрывающие специфику процессов социализации двух разных форм, косвенно указывали на завершение первичной социализации (при условии ее успешного протекания) в период детства.

Тем не менее, в разных видах социализации сдвиг границ по возрастному критерию будет, несомненно, отличаться. Так, исследователи профессиональной социализации относят процессы первичной социализации к периоду обучения в вузе (Л.В. Мурзагалина и др.), а некоторые специалисты в области политической, гражданской, правовой социализации рассматривают этот же период как условие вторичной социализации (П.Б. Савинов, Т.В. Якушенок и др.).

С нашей же точки зрения, социализация в сфере экономических отношений требует от ее субъекта высокого уровня обобщения познаваемого, что позволяет говорить о совокупности критериев дифференциации первичной и вторичной ЭС. Ранее выделенная нами совокупность критериев [см. 5] в процессе анализа была уточнена и дополнена: доминирующий фактор изменения элементов экономического сознания и поведения личности (группы) (возрастной или исторический); характер принятия и присвоения экономических знаний, опыта, ценностей, норм и образцов экономического поведения (сплошной /выборочный/); степень опосредствования процесса ЭС (высокая /низкая/) и роль посредников; доминирующая деятельность (игровая, учебная, трудовая и т.п.); критерии экономической социализированности (например, уровень социально-экономической зрелости личности); механизмы и факторы ЭС; степень устойчивости конструируемой субъектом картины мира экономических отношений.

ВТОРИЧНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В экономической психологии существует ряд проблем, обуславливающих сложность организации исследования вторичной экономической социализации. Первая из них – выявление и опи-

сание ее *предметного поля* — связана, прежде всего, с *размытостью границ* данной области исследований. Из-за этого результаты изучения экономического сознания и поведения взрослых людей как зарубежные, так и отечественные исследователи часто относят к другим разделам экономической психологии или поведенческой экономики. Например, таким, как психология денег, предпринимательской деятельности, рекламы, потребления, принятия решений в сфере экономики, психология занятости и безработицы и т.п. В то время как многие из полученных ими данных могут представлять интерес для анализа процесса вторичной ЭС личности и группы. Кроме этого, процессы ЭС характеризуются *гетерохронностью*. Следовательно, выделяются возрастные этапы ЭС, когда первичная социализация у одних субъектов успешно завершена, и они перешли на следующий этап, а у их сверстников еще продолжается. В данном случае критерии социализированности, ее механизмы и факторы, в роли которых выступают те или иные феномены, будут отличаться.

Вторая проблема исследования процессов вторичной ЭС имеет исторические корни. В ее основе — *парадигмальный конфликт*, исследовательские традиции, взгляд на предмет и объект исследования и т.п., характерные для двух ветвей социальной психологии — социологической и психологической (отечественная экономическая психология нередко рассматривается как прикладная отрасль социальной психологии). Несмотря на то, что на современном этапе развития социальной психологии граница между ними постепенно стирается⁴, большинство сторонников как гуманитарного, так и естественно-научного подходов в отечественной социальной психологии продолжают придерживаться своих традиций в выборе методологических принципов и методов исследования в изучении индивида (личности) и группы.

Третья проблема исследования вторичной ЭС связана с *междисциплинарным характером* самой отрасли научного знания, т.е. экономической (или социально-экономической) психологии. Взгляды психологов и экономистов на природу феномена “экономическая социализация”, его структуру, критерии дифференциации, признаки успешности, факторы и механизмы и даже методы сбора, обработки и интерпретации данных существенно отличаются. Все это усложняет работу по выделению дисциплинарных подходов в изучении вторичной ЭС, конгруэнтных друг другу.

Наконец, четвертая проблема состоит в том, что содержанием вторичной ЭС является *интернализация нового экономического знания*, экономического

опыта, элементов экономической культуры (ценностей, норм, традиций и т.п.), образцов экономического поведения и последующая адаптация личности к изменившимся социально-экономическим условиям в развитии общества, либо изменившимся экономическим условиям ее жизнедеятельности [см. 14 и др.]. При этом субъектные качества человека проявляются не только в активности, направленной на достижение баланса между объективным и субъективным миром экономических отношений, но и в том, как он делает выбор, принимает решение в пользу того или иного нового знания, опыта, элементов культуры и т.п., какие способы совладания предпочитает и др. [подробнее см. 16, 17 и др.]. Потребность в *интернализации нового экономического знания* обусловлена как объективными условиями изменения жизнедеятельности человека, так и субъективными факторами, в роли которых выступают элементы ценностно-мотивационной сферы человека. В данном случае поиск универсальных детерминант может привести исследователя “в тупик”. Однако и классификация всего многообразия субъективных факторов требует длительного периода накопления и осмысливания фактологического материала.

ВТОРИЧНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ⁵

Традиционно область исследований экономической социализации включает три основных направления работ, ориентированных на изучение феноменов экономического сознания и самосознания личности и группы (чаще всего групповой аспект представлен как среднестатистический, характерный для конкретной социальной группы); экономического поведения личности и представителей разных социальных групп (предприниматели, работники предприятий, безработные, представители профессиональных и этнических групп); условий, факторов и механизмов (в других подходах — детерминант) экономической социализации.

Современный анализ работ в области экономической социализации показывает, что исследования как зарубежных, так и отечественных психологов были выполнены преимущественно на детях, подростках и учащейся молодежи юношеского

⁴Критерием стирания является расширение поля междисциплинарных исследований, включение разных уровней анализа, от биологически до социально-детерминированных, не зависимо от дисциплинарной принадлежности исследования.

⁵ Целью анализа, представленного в данном разделе, стало выделение из ряда направлений экономической психологии тех исследований, которые представляют интерес с позиции разных видов вторичной экономической социализации. К примеру, в стабильных условиях социально-экономического развития общества механизмы интеграции групп по экономическим критериям (бедные, богатые, среднеобеспеченные, маломощные, нищие и т.п.) будут отличаться от аналогичных механизмов в условиях финансового кризиса и т.п. Данный пример содержательно раскрывает одну из форм вторичной ЭС. В то время как социально-психологическая динамика в условиях изменения условий жизнедеятельности личности или группы дает нам представление о принципиально другой форме вторичной ЭС.

возраста. К настоящему времени выпущено несколько коллективных монографий, объединяющих эти исследования, проведен обобщающий анализ по основным темам (представления и отношение к деньгам; представления о бедности и богатстве, экономическом неравенстве; стратегии, мотивы экономического поведения – сберегательного, потребительского, обмена, инвестиционного и т.п. в разных возрастных группах и в разных условиях развития человека и др.), выделены теоретико-методологические подходы, на которых основываются исследователи (в зарубежной психологии – это такие, как социально-конструктивистский, когнитивно-генетический подход Ж. Пиаже, теория социального познания Р. Сель-мана, психолого-экономическая модель выбора между потреблением и сбережением И. Фишера, концепция У. Бронfenбреннера и др.; в отечественной – концепция системной детерминации Б.Ф. Ломова, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, культурно-историческая теория Л.С. Выготского, структурный подход К.К. Платонова, комплексный подход Б.Г. Ананьева, динамический подход к изучению личности Л.И. Анцыферовой и др.). Определены условия и факторы развития экономического сознания и поведения детей и подростков, а также ряд других, разрабатываемых такими авторами, как: М. Аргайл (M. Argyle), А.С. Бомби (A.S. Bombi), Э. Канони (E. Cannoni), А. Льюис (A. Lewis), П. Лунт (P. Lunt), Э. Ринальди (E. Rinaldi), Э. Рус-пини (E. Ruspin), П. Уэбли (P. Webley), А. Фёрнэм (A. Furnham), Т.В. Дробышева, Н.В. Ким, О.С. Посыпанова, М.Н. Стельмашук и др.⁶. Можно сказать, что весь объем накопленных авторами данных позволил содержательно выделить самостоятельное научное направление – “экономическая психология развития”, хотя оно пока и не представлено официально в таком виде.

В отличие от первичной социализации, разработка феномена вторичной ЭС находится на самой начальной стадии. В первую очередь, в связи с ранее упомянутой тенденцией отнесения исследователями результатов изучения вторичной ЭС к другим предметным областям экономической психологии. Однако анализ таких работ для понимания вторичной экономической социализации субъекта (как индивидуального, так и группового) имеет важное значение. Вторичная ЭС предполагает интернализацию нового экономического знания, элементов экономической культуры, образцов поведения и включение в уже сформированную картину экономического мира того, что позволяет субъекту адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям в развитии общества, либо изменившимся экономическим условиям жизнедеятельности самого человека.

К примеру, в зарубежной науке накоплены данные о монетарных установках, отношении представителей разных социальных и экономических групп к деньгам. Все они включены в один из разделов экономической психологии – психологию денег: М. Аргайл (M. Argyle), К.Б. Бергойн (C.B. Burgoynes), Р.В. Белк (R.W. Belk) и М. Валендорф (M. Wallendorf), Ф.М.Э. Грузе (F.M.E. Grouzet), Ст.Э.Дж. Ли (St.E.G. Lea) и П. Уэбли (P. Webley), А. Фёрнэм (A. Furnham), Б.М. Янг (B.M. Young) и др. Однако в связи с образованием ЕС зарубежные коллеги стали активно изучать отношение групп населения из разных стран к введению Евро и адаптацию к изменившимся социально-экономическим условиям жизни: Е. Джонас (E. Jonas) и Дж. Гринберг (J. Greenberg); Й.М. ван Эвердинген (Y.M. van Everdingen), В.Ф. ван Раай (W.F. van Raaij); К. Мейер-Пести (K. Meier-Pesti), Э. Кирхлер (E. Kirchler) и др. Данное направление исследований представляет особый интерес для описания процессов вторичной ЭС и т.п.

В отечественной экономической психологии исследователями также получен большой массив данных о представлениях и отношении к деньгам россиян в разные периоды социально-экономического развития общества. Тот факт, что многие авторы применяли одну и ту же методику или ее отдельные шкалы (авт. К. Ямаuchi и Д. Темплер в модификации А. Фенэма), позволяет в настоящее время сопоставить полученные данные с целью выяснения, является ли изменение отношения к деньгам механизмом совладания с изменяющимися условиями или адаптации субъекта экономических отношений к своему изменившемуся экономическому статусу (О.С. Дениека, Е.И. Горбачева, А.С. Евдокимова, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, А.А. Капустин, М.Ю. Семенов, Е.В. Тугарева, А.Б. Фенько, В.А. Хащенко и др.). Такая аналитическая работа может стать перспективным направлением для современных исследователей.

Еще один раздел экономической психологии – *психология бедности и богатства* – достаточно полно раскрывает вопросы атрибуции, границ, причин и последствий этих феноменов, а также способов достижения статусов бедного и богатого, стратегий совладания с бедностью и т.п. Изучается структура, содержание, социальные и психологические факторы конструирования представлений и становления отношений, предметом которых являются бедность и богатство (К. Асиеду (C. Asiedu), Дж. Клюгель (J. Kluegel), А. Ленинг (A. Lehning), В. Оршот (W. Oorschot), К. Смит (K. Smith), Э.Р. Смит (E.R. Smith), М. Стон (M. Stone), С. Стефенсон (S. Stephenson), С. Тач (S. Tuch), К. Тёрнер (K. Turner), Дж. Фиген (J. Feagin), М. Хагс (M. Hughes), М. Хант (M. Hunt), Л. Хальман (L. Halman), и др.). Причем в отечественной науке аналогичные исследования выполняются как с позиций социологического (Н. Бондаренко, Л.А. Гордон,

⁶ Указаны только авторы и составители монографий, посвященных проблемам ЭС.

М.К. Горшков, М.Д. Красильникова, Н.В. Тихонова и мн. др.), так и социально-психологического подходов (Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, А.Л. Журавлев, Н.А. Журавлева, К. Муздыбаев, Н.В. Мироманова, К.С. Черемухина, В.П. Фоминых, В.А. Хащенко, Е.В. Шибанова и др.). Отечественными авторами были выделены стратегии совладания с бедностью, формы, структура, факторы и детерминанты адаптации к бедности в группах россиян с разным экономическим статусом, описаны варианты атрибуции бедности и богатства и т.п. Так, в контексте вторичной ЭС представляют интерес данные о стратегиях совладания с бедностью представителей разных социальных и экономических групп, выделенные К. Муздыбаевым на рубеже XX и XXI веков: “отстраненное принятие ситуации”; “пассивная надежда”; “стойкость и самообладание”; “поиск социальной поддержки”; “самовыживание”; “личностная адаптация” и т.п. [13]. Исследование представлений о бедности, проведенное в 2013–2015 гг. другими авторами (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева) и в рамках другого методологического подхода, показало, что ряд стратегий, выделенных Муздыбаевым носят универсальный характер и не зависят, к примеру, от ситуации в экономике – кризис или стабильность. Речь идет о стратегиях: самовыживания (работа на садовом участке, изготовление необходимых вещей или их ремонт собственными силами), ухода от решения проблемы, поиска поддержки у близких и друзей и др., которые, по всей видимости, характеризуют одну из сторон менталитета россиян [8].

Особенности вторичной ЭС людей, по-разному переживших реформы 1990-х гг., представлены в том же исследовании Муздыбаева [13]. Автором обнаружено, что преуспевшие в ходе экономической реформы респонденты (т.е. те, кто улучшил свой уровень материального благосостояния), по сравнению с потерпевшими неудачу (т.е. теми, чье материальное благосостояние стало хуже, чем до реформ), реже возлагают вину за бедность на структурные, институциональные причины, меньше апеллируют к неконтролируемым, фаталистическим факторам. Показано, “удачливые” респонденты значительно чаще, чем “неудачливые”, приписывают вину за бедность личностным характеристикам самих неимущих. Потерпевшие неудачу больше обвиняют в своей экономической несостоятельности социальное устройство, больше проявляют склонность приписывать вину за бедность роковому стечению обстоятельств; значительно реже они возлагают ответственность за материальную неудачу на свои личностные характеристики.

Специфика исследований процессов вторичной ЭС по сравнению с первичной, связана и с более широкими возможностями выбора методологии изучения. Так, социально-психологические исследования бедности и богатства на этапе первичной ЭС обычно проводятся в контексте парадигмы

объяснения, что определяет соответствующий методологический подход к изучению групповых характеристик (по средним значениям), и понимание самого феномена экономических представлений как презентаций обыденного сознания относительно экономических явлений и объектов. Такого же подхода придерживается и большая часть исследователей, занимающаяся проблемами бедности на этапе вторичной ЭС. Однако в случае последней возможно применение иного подхода (в контексте гуманитарной парадигмы) в исследовании изменения феноменов экономического сознания большой социальной группы. Так, опираясь на концепцию социальных представлений С. Московичи, Т.П. Емельянова и Т.В. Дробышева выявили динамику социальных представлений о бедности в обыденном сознании представителей больших социальных групп в период после президентских выборов (относительная стабильность) и начала обострения финансового кризиса [7; 8], динамику социальных представлений о будущем экономическом благосостоянии россиян в периоды до и после выборов Президента в 2012 г. [6 и др.]. В рамках данных исследований были эмпирически доказаны и описаны функции социальных представлений о бедности и богатстве в процессе вторичной ЭС группы. Обнаружено, что представления о бедности выполняют *функции защиты, самоподтверждения и самопрезентации* малообеспеченных групп населения, а представления о богатстве – *функцию поддержания эмоциональной стабильности* группы. Авторами был описан ценностный механизм конструирования данных представлений и роль психологической дистанции в этом процессе [8]. Ценностная детерминация экономических представлений и поведения в рамках другого методологического подхода подробно изложена в работах Н.А. Журавлевой [11 и др.].

Начиная с 1990-х гг., отечественные социальные психологи активно проводили мониторинг динамики ценностных ориентаций личности у представителей социальных и возрастных групп [10; 11; 18 и др.]. Так, в исследовании Хащенко изучалась динамика ценностных ориентаций личности (методика М. Рокича в модиф. В.А. Хащенко), а также комплекс “экономических ценностей” (собственность, богатство, материальная обеспеченность) у представителей разных социальных групп (от школьников и студентов до работников госпредприятий, предпринимателей и безработных) в период с 1990 по 1994 гг. [18]. Анализ данных показал возрастание значимости ориентаций на экономические ценности не зависимо от принадлежности к той или иной социальной группе. Причем “материальная обеспеченность” была включена в пятерку ЦО, образующих ядро ценностной структуры наряду с ценностями здоровья и семьи [там же]. Возрастание ценности материального благо-

получия в период смены форм собственности в 1993–1995 гг. обнаружено и в работе Е.В. Журавлевой [10]. Подробно характер динамики ЦО личности у представителей разных социальных групп в зависимости от периодов экономического спада и подъема в стране рассмотрен в работе Н.А. Журавлевой [11]. По ее данным, адаптация предпринимателей, работников государственных и частных предприятий, а также безработных в условиях стабильности, кризисных и посткризисных ситуациях характеризовалась разной динамикой ценностного сознания [там же]. В целом, полученные авторами данные представляют особый интерес для понимания динамики ценностных ориентаций как психологических эффектов социально-экономических изменений в процессе вторичной ЭС у представителей разных социальных групп.

Изучение функций *эмоциональных переживаний* в процессе вторичной ЭС также представляет самостоятельное направление. Речь идет об исследованиях финансовой тревоги как самостоятельного феномена [3 и др.], так и в структуре комплексного феномена – субъективного экономического благополучия [18]. К этому же направлению можно отнести исследования переживаний чувств разной модальности работающими взрослыми в связи с образами будущего экономического благосостояния семьи, своей социальной группы, страны в целом (Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик). Последнее время разными исследовательскими группами разрабатываются такие феномены как “*эмоциональные переживания*” (Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатов и др.), “*коллективные чувства*” (Т.П. Емельянова, Т.В. Дробышева), “*социальные чувства*” (Т.А. Нестик и др.), “*коллективные переживания*” (С.В. Тихомирова), объектом которых становятся наиболее важные социальные, политические, экономические явления. Так, показано, что коллективные чувства к значимым социально-экономическим явлениям (непрогнозируемые колебания курса валют, латентное повышение цен, снижение уровня заработной платы, рост безработицы, сокращение товарооборота со странами ЕС и т.п.) на разных этапах финансового кризиса выполняют функцию *адаптации* за счет вытеснения наиболее переживаемых динамичных явлений в сторону более стабильных, нормализованных в обыденном сознании [3].

В рамках данного направления представляют интерес ранее выполненные исследования Е.В. Шороховой, целью которых было выявление связи между социально-экономическими преобразованиями в обществе в 20-е годы прошлого века (периода НЭПа), и психическими состояниями разных групп населения – психологической готовности к социально-экономическим изменениям, настроениями, доминирующими в обществе, и т.п.

[10 и др.]. Полученные автором результаты позволяют нам сделать вывод о функции позитивных массовых настроений населения в процессе вторичной экономической социализации. Речь идет о повышении доверия к экономической политике и возрастании предсказуемости грядущих событий [9].

Выделенные выше направления исследований связаны с макросоциальными и макроэкономическими изменениями, порождающими социально-психологическую динамику, которая способствует адаптации личности и группы к новым социально-экономическим условиям [подробнее см. 2, 16 и др.]. Поскольку сама личность или группа являются субъектами экономических отношений, то они и воссоздают эти условия.

Микросоциальный уровень анализа вторичной ЭС связан с исследованиями изменений в жизнедеятельности человека. Данное направление базируется на исследованиях психологии занятости и безработицы (М. Бэнкс (M. Banks), П. Вор (P. Warr), П. Джексон (P. Jackson), Э. Кирхлер (E. Kirchler), К. Ханиш (K. Hanisch), М. Ягода (M. Jahoda); И.А. Волошина, С.А. Гусев, С.Л. Дановский, С.А. Данилова, А.Н. Демин, А.Л. Журавлев, С.А. Карташов, В.С. Магун, С.А. Петунова, В.П. Ростовцев, Т.С. Чуйкова и др.). Анализируются ситуации завершения трудовой деятельности в связи с выходом на пенсию, потерей работы в трудоспособном возрасте или, наоборот, в ситуации повышения экономического статуса в связи с переводом на более высокую должность или переходом в успешную коммерческую структуру и т.п.

Изменение жизненной ситуации, связанной с завершением трудовой деятельности, рассматривается исследователями с позиции изменения не только социальной роли человека, но и его экономического статуса. К примеру, в одном из наших исследований социальных представлений о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров было выявлено, что изменения в жизни человека, связанные с завершением им трудовой деятельности, в первую очередь, отражаются на его экономическом сознании, самосознании и поведении. Исследование показало, что в группах работающих и неработающих пенсионеров адаптация к изменившимся условиям жизни отличается как на уровне социальных представлений о бедности, так и на уровне ценностной системы. Так, работающие пожилые люди фиксируют внимание на ситуационной атрибуции бедности, считая бедность унижением для человека, которое он должен терпеть и преодолевать. Данный факт косвенно указывает на мотивацию продолжения ими трудовой деятельности. Интересно, что приоритеты работающих пенсионеров отражены и в их ценностной структуре. Они выше, чем неработающие, оценивали “интересную работу”, “познание”, “творчество”.

Неработающие респонденты в большей степени были фиксированы на последствиях бедности – нет квартиры, узкий круг общения, ограниченные возможности вести здоровый образ жизни. По сравнению с работающими, они более высоко оценивали ориентации на материальные и эстетические ценности, ценность свободы и независимости, что согласовывалось с их пониманием бедности как ограничения возможности удовлетворения материальных и социальных потребностей. Неработающие пенсионеры больше, чем работающие, доверяли информации, поступающей из СМИ или общественного дискурса; их ценностный контроль в процессе принятия и интерпретации этой информации был существенно снижен. Работающие же респонденты, наоборот, меньше доверяли публичной информации о макроэкономических изменениях и событиях как источнику конструирования представлений о бедности, “запускали” механизм “ценостного” контроля за поступающей извне информацией. В целом, было обнаружено, что на данной стадии вторичной ЭС психологические механизмы конструирования изучаемых представлений различаются в зависимости от трудовой активности респондентов [4].

В целом ситуация потери работы чаще всего переживается не сама по себе, а вследствие того, что данная ситуация вызывает снижение экономического статуса человека, изменяет привычные для него роли (например, переход в семье из “добытчика” в “иждивенца”), формы досуга и отдыха (вместо Сейшельских островов – Египет, вместо Европы – дача в Подмосковье). В связи с этим, исследования феноменов экономического сознания и поведения в ситуациях, связанных с потерей работы или перехода на новую работу, в других ситуациях изменения экономического статуса представляется интересным с позиции социально-экономической адаптации к этим новым условиям жизнедеятельности.

К новым направлениям изучения вторичной ЭС личности и разных социальных групп (в первую очередь молодежи) в условиях затянувшегося мирового финансового кризиса можно также отнести исследования в области экономики совместного потребления. Специалисты отмечают, что снижение качества жизни населения в кризисный период привело к появлению новых форм и видов досуга – бэкпэкинга (форма свободного отдыха), каучсёрфинга (бесплатная сдача жилья для недлительного проживания), райд-шеринга (совместное путешествие, в котором все расходы делятся поровну на всех) и т.п. (М.С. Отнюкова и др.).

Завершая анализ, заметим, что выделенные направления не носят исчерпывающий характер.

Продолжая данную работу, следует определить спектр таких ситуаций, которые позволяют более точно вычленить в совокупности исследований те, которые раскрывают специфику изучаемого феномена.

ВЫВОДЫ

1. Состояние исследований в области вторичной экономической социализации характеризуется лишь начальным состоянием. Сложность организации и проведения подобных работ обусловлена рядом причин, среди которых: размытость границ данной области исследований; междисциплинарный характер изучаемых феноменов; различия в методологии исследований группы, определяемые парадигмальными предпочтениями; гетерохронность развития субъекта экономических отношений; высокий уровень субъективности воспринимаемого экономического знания и опыта как нового, его включение в уже сформированную картину экономического мира человека.

2. Обоснованы и уточнены критерии дифференциации первичной и вторичной ЭС: доминирующий фактор изменения элементов экономического сознания и поведения личности и группы; характер интернализации экономических знаний, опыта, ценностей, норм и образцов экономического поведения (сплошной/ выборочный); степень опосредствования процесса ЭС (высокая/низкая) и роль посредников; доминирующая деятельность (игровая, учебная, трудовая и т.п.); критерии экономической социализированности (например, уровень социально-экономической зрелости личности или субъективного экономического благополучия); специфика механизмов и факторов ЭС; степень устойчивости конструируемой субъектом картины мира экономических отношений.

3. Специфика вторичной ЭС субъекта экономических отношений (как индивидуального, так и группового) состоит в том, что интернализируется прежде всего новое экономическое знание, элементы экономической культуры (экономические ценности, нормы, традиции), стратегии и образцы экономического поведения, которые включаются в уже сформированную на стадии первичной ЭС картину экономического мира и позволяют субъекту адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям в развитии общества, либо изменившимся экономическим условиям жизнедеятельности самого человека. Переход от первичной к вторичной социализации сопровождается некоторым снижением значимости социальных факторов и повышением роли самодетерминации.

4. Сформулированы взгляды на проблему классификации (группирования) процессов социализа-

ции. Первичная и вторичная социализация так же, как и ресоциализация, рассматриваются как разные формы одного и того же процесса социализации.

Использование понятия “этапы ЭС” указывает на временную последовательность протекания процессов ЭС, при которой первичная всегда предшествует вторичной ЭС. Причем последняя основана на результатах первичной ЭС.

Виды социализации предполагают выделение специфики социализирующих процессов в разных сферах макросоциальной (политическая, экономическая, этническая, экологическая, религиозная, правовая) или микросоциальной (семейная, в группах сверстников, в коллективах) сред, в сфере деятельности (профессиональная, трудовая, посттрудовая, учебная), а также в сфере отношений (гражданская, идеологическая, половозрастная, гендерная и др.).

Структуры первичной и вторичной ЭС включают разные компоненты. Так, в первичной выделяются познавательный, ценностно-нормативный и поведенческий. Эмоциональные переживания имманентно включены в каждый компонент. Вторичная ЭС включает познавательный, ценностно-нормативный, эмоциональный и поведенческий, т.е. эмоциональные переживания выделяются в самостоятельную категорию компонентов.

5. Формы первичной и вторичной ЭС зависят от социальных условий (кризисные /стабильные, определенные/неопределенные, прогнозируемые/ непрогнозируемые), а также от совокупности факторов их обуславливающих. Выделены *две формы вторичной ЭС* в зависимости от уровня анализа факторов. На макросоциальном уровне исследуются социально-психологические, экономико-психологические эффекты макроэкономических, макросоциальных изменений в обществе и явлений политической жизни. Объектом таких исследований часто становятся представители больших социальных групп. Микросоциальный уровень анализа вторичной ЭС связан с исследованиями изменений в жизнедеятельности конкретного человека или социальной группы.

6. Выделены *основные направления исследований*, которые представляют интерес для формирования предметного поля вторичной ЭС. Среди них: динамика монетарных установок, отношения представителей разных социальных и экономических групп к деньгам; представления о бедности и богатстве, экономической справедливости и т.п.; ценностные ориентации представителей больших социальных групп. Еще одно направление базируется на исследованиях психологии занятости и безработицы, в рамках которых анализируются ситуации завершения трудовой деятельности в связи с выходом на пенсию, потерей работы в трудоспособном возрасте или, наоборот, в ситуации повышения экономиче-

ского статуса в связи с переводом на более высокую должность или переходом в успешную коммерческую структуру и т.п. Новое направление исследований в области “экономики совместного потребления” связано с изучением разных форм адаптации населения в условиях затянувшегося кризиса.

7. В целом анализ показал, что *преимущественно* изучается динамика феноменов экономического сознания личности и социальных групп в периоды спада и подъема в экономике. *Недостаточно* представлены работы, раскрывающие специфику вторичной ЭС в ситуациях изменения условий жизнедеятельности человека (потеря или смена работы, изменение статуса и т.п.). Отсутствуют специально организованные лонгитюдные исследования, раскрывающие специфику динамики экономического поведения населения (к примеру, долгового, сберегательного, потребительского), изменения экономического статуса, экономической идентичности человека в изменяющихся условиях жизнедеятельности личности и общества в целом и др.

Методическое обеспечение исследований вторичной ЭС зависит от методологических подходов и включает методы сбора данных, применяемые как в исследованиях естественно-научной направленности (анкетирование, опрос, наблюдение, эксперимент, шкалирование, метод попечерных срезов и т.п.), так и гуманитарной (фокус-группы, беседа, частично структурированное интервью, проективные методы, приемы конструирования методик для изучения социальных представлений и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр, Медиум, 1995.
2. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1996.
3. Дробышева Т.В. Динамика коллективных чувств молодежи на разных стадиях экономического кризиса // Эффективность личности, группы и организаций: проблемы, достижения и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 250–253.
4. Дробышева Т.В. Факторы и механизмы экономической социализации личности в группах работающих и неработающих пенсионеров // Наука. Культура. Общество. 2015. №4. С. 115–129.
5. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т.1. №2. С. 207–232.
6. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Динамика представлений об экономическом благосостоянии у работающих взрослых в условиях до- и поствыборной ситуа-

- ции в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. №3. С. 74–80.
7. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Конструирование социальных проблем в СМИ и представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования: электронный журнал. 2015б. Т.8. №39. С.1.
  8. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности на примере работников бюджетной сферы // Знание. Понимание. Умение. 2015а. № 3. С. 250–263.
  9. Журавлев А.Л. Взаимодействие социально-психологических и социально-экономических феноменов в изменяющемся обществе // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. С. 11–37.
  10. Журавлева Е.В. Динамика экономических представлений работников в условиях приватизации их предприятий (по материалам прессы) // Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999. С. 16–30.
  11. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
  12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
  13. Муздубаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия сопротивления и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 4–25.
  14. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
  15. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
  16. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Под ред. А.Л. Журавлева и Е.В. Шороховой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
  17. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
  18. Хащенко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. С. 107–121.
  19. Шорохова Е.В. Динамика психологии личности и групп в условиях НЭПа // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998. С. 81–106.
  20. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966.

SECONDARY ECONOMIC SOCIALIZATION OF A PERSON AND A GROUP: THE MAIN PROBLEMS AND RESEARCH AREAS⁷

T. V. Drobysheva*, A. L. Zhuravlev**

Institute of Psychology, RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia.

* PhD (psychology), Senior Researcher, Laboratory of Social and Economic Psychology.

E-mail: tdrobysheva@mail.ru

** Academician of the Russian Academy of Sciences, scientific supervisor of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru

Received 26.09.2017

Abstract. The results of theoretical study of “secondary economic socialization” phenomenon are presented. The objective was to reveal specific character, main problems and research topics in the field of secondary economic socialization of a person and a group. Criteria for differentiation of two forms of economic socialization – primary and secondary – have been substantiated. Operational definition for secondary economic socialization has been proposed. Opinion, that the content of primary economic socialization is the basis for latter, has been expressed. The leading role of significant Others and stability of the constructed picture of economic relations in the process of primary economic socialization as compared with the secondary one are the criteria for their differentiation. The problems of person's and groups' secondary economic socialization have been stated. Blurring of the lines of phenomenon of secondary economic socialization; its interdisciplinary character; paradigm differences in research organization that restrict possibility to compare data; high level of subjectivity of perceived economic knowledge and experience as a new, its inclusion in person's existing economic world-view are among them. Main areas of research according to macroeconomic and macro-social changes in society as well as changes in person's living conditions and social groups' representatives have been marked out.

Keywords: secondary economic socialization, subject, economic psychology, system approach, economic behavior, determination of secondary economic socialization.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znanija. Moscow: Akademija-Centr, Medium, 1995. 323 p. (in Russian)
2. Dinamika social'no-psihologicheskikh javlenij v izmenajushchemsja obshhestve / Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1996. (in Russian)
3. Drobysheva T.V. Dinamika kollektivnyh chuvstv molodezhi na raznyh stadiyah jekonomiceskogo krizisa // Jeffektivnost' lichnosti, gruppy i organizacii: problemy, dostizheniya i perspektivy: materialy Vsesozijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk, 2017. P. 250–253. (in Russian)
4. Drobysheva T.V. Faktory i mehanizmy jekonomiceskoy socializacii lichnosti v gruppah rabotajushhih i nerabotajushhih pensionerov // Nauka. Kul'tura. Obshhestvo. 2015. №4. P. 115–129. (in Russian)
5. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. Sistema faktorov jekonomiceskogo soznanija v uslovijah vtorichnoj jekonomiceskoy socializacii lichnosti i gruppy // Institut psihologii RAN. Social'naja i jekonomiceskaja psihologija. 2016. V. 1. №2. P. 207–232. (in Russian)
6. Emeljanova T.P., Drobysheva T.V. Dinamika predstavlenij ob jekonomiceskem blagosostojaniu i rabotajushhih vzroslyh v uslovijah do- i postvybornoj situacii v Rossii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2013. №3. P. 74–80. (in Russian)
7. Emeljanova T.P., Drobysheva T.V. Konstruirovaniye social'nyh problem v SMI i predstavlenijah grazhdan (na primere bednosti) // Psihologicheskie issledovaniya: elektronnyj zhurnal. 2015. V.8. №39. P.1. (in Russian)
8. Emeljanova T.P., Drobysheva T.V. Strukturno-funkcional'nyj podhod k analizu social'nyh predstavlenij o bednosti na primere rabotnikov bjudzhetnoj sfery // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. N 3. P. 250–263. (in Russian)
9. Zhuravlev A.L. Vzaimodejstvie social'no-psihologicheskikh i social'no-jekonomiceskikh fenomenov v izmenajushchemsja obshhestve // Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomiceskikh izmenenij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. P. 11–37. (in Russian)
10. Zhuravleva E.V. Dinamika jekonomiceskikh predstavlenij rabotnikov v uslovijah privatizacii ih predpriyatiy (po materialam pressy) // Social'naja psihologija jekonomicheskogo povedenija. Moscow: Nauka, 1999. P. 16–30. (in Russian)
11. Zhuravleva N.A. Psihologija social'nyh izmenenij: cennostnyj podhod. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2013. 524 p. (in Russian)
12. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. Moscow: Nauka, 1984. (in Russian)
13. Muzdybaev K. Perezhivanie bednosti kak social'noj neudachi: atribucija otvetstvennosti, strategija sovladanija i indikatory deprivacii // Sociologicheskiy zhurnal. 2001. № 1. P. 4–25. (in Russian)
14. Psihologija adaptacii i social'naja sreda: sovremennoye podhody, problemy, perspektivy / Pod red. L.G. Dikoj, A.L. Zhuravleva. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2007. (in Russian)
15. Sovladajushhee povedenie: sovremennoe sostojanie i perspektivy / Eds. A.L. Zhuravlev, T.L. Krjukovoj, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2008. (in Russian)
16. Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomiceskikh izmenenij / Eds. A.L. Zhuravlev i E.V. Shorohovoj. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. (in Russian)
17. Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste / Eds. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2011. (in Russian)
18. Hashchenko V.A. Cennostnye orientacii razlichnyh social'nyh grupp v uslovijah raznyh form sobstvennosti // Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomiceskikh izmenenij. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. P. 107–121. (in Russian)
19. Shorohova E.V. Dinamika psihologii lichnosti i grupp v uslovijah NJePa // Social'no-psihologicheskaja dinamika v uslovijah jekonomiceskikh izmenenij. Moscow: Izd.-vo “Institut psihologii RAN”, 1998. P. 81–106. (in Russian)
20. Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Garden City, NY: Anchor Books, 1966.

⁷ The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation (project № 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).